

Отзыв официального оппонента на диссертацию
Беликова Антона Витальевича
«Эстетический смысл канона в византийском искусстве»,
представленную на соискание кандидата философских наук
(специальность 09.00.04 – «Эстетика»)

В работе А.В. Беликова предпринята фактически первая в отечественной философской практике попытка досконального рассмотрения такого эстетического явления как канон, понятого в качестве, с одной стороны, категории и эстетической, и теологической, и искусствоведческой, а с другой – реально действующего механизма, посредством которого осуществляется передача умопостигаемого знания, имеющего недискурсивный характер, из умозрительной области в область художественную.

Несомненно обращает на себя внимание фундаментальность исследования: проанализирован широкий массив источников и литературы на русском и иностранных языках. Особо стоит заметить, что обоснованность результатов исследования заключается в том обстоятельстве, что диссертант в своем исследовании в качестве источников использует не только тексты, но и сами произведения искусства, выступающие в роли носителей информации, касающейся эстетических воззрений той или иной исследуемой эпохи.

Автор довольно убедительно обосновывает и связывает друг с другом эстетический и религиозный опыт, обращая внимание на невозможность разделить их в рамках канонического восприятия действительности, характерного для античного и средневекового сознания. Это новый подход, который открывает дальнейшие перспективы для изучения темы: религиозное – всё то же художественное, опыт выстраивания мира как пространства экспрессии (в том числе и материально-визуальной) трансцендентного и нуминозного. В связи с этим важным моментом исследования становится подробный разбор автором роли канона в структуре художественного сознания и проведение анализа структурно-

организующей функции канона в формировании художественного образа в античном и византийском искусстве.

Коснемся вкратце содержания работы, состоящей из трех основных частей (если не иметь в виду обязательных Введения и Заключения). Заслуживает несомненного интереса Первая глава, «Канон как эстетический принцип изобразительного искусства», посвященная рассмотрению места канона в системе эстетических категорий и содержащая довольно убедительный разбор принципов и механизмов работы канонических систем в греческом и византийском искусстве. Следует сразу оговорить безусловно удачную идею сквозного рассмотрения по сути единого целого – античного и средневекового художественного языка. При этом, однако, автор предпринимает достаточно героическую попытку развести чуть ли не в противоположные стороны две канонические модальности – прекрасного (античность) и возвышенного (византийский период). Стоит обратить внимание, что «возвышенное» трактуется автором диссертации как «анагогическое»: тезис, настойчиво требующий своего более детализированного обсуждения.

Вторая глава, «Каноничность византийского искусства», рассматривает со всей тщательностью историю и принципы формализации художественной практики, имевшей место в Византии. Действительно, автор обращает внимание на тот факт, что сущность канона – в обязательном и именно эстетической формализме приемов. Именно канон обеспечивает возможность и потребность в регламентации и контроле творчества, понятого как особого рода поведение, вполне ритуализированного. Хочется выделить в качестве центрального положения, как нам представляется, наблюдения диссертанта относительно иконографических механизмов, действующих в том числе и в каноническом искусстве. Вопрос состоит лишь в том, насколько схематизм и систему изводов (вариаций-отклонений) можно рассматривать как два корня канона. Невольное воспроизведение вельфлинского постулата двух корней стиля наводит на мысль, как нам кажется, чуть имплицитную для рассматриваемой работы, о совпадении «канона» и «стиля». Традиционное не просто сопоставление, а противопоставление западного и восточного канонически-художественного опыта выглядит опять же чересчур каноническим и

апологетическим в интересах православия. Реализм последнего, что не отмечено автором, пусть и мистический – это скорее историографический миф, чем исторический факт: возвышенное и абстрактное – вещи далеко не совпадающие...

Третья глава, «Анагогический характер византийского искусства», выглядит апогеем исследования и касается вопросов, как подчеркивает автор диссертации, непосредственно связанных с конкретными способами реализации идеи возвышенного в изобразительном искусстве Византии. Обращает на себя внимание расширительное понимание автором исследования понятия «иконы», включающего в себя не только соответствующее образцы станковой живописи, но и произведения монументально-декоративной стенописи, где храмовое пространство, вернее сказать, архитектурно-пространственная реальность вместе с изобразительной составляющей предстает подлинный *Gesamtkunstwerk*, включающий в себя и ритуально-перформативные аспекты. Последний факт указывает на то обстоятельство, что только и преобразует исходную иконичность в подлинную и специфически христианскую литургичность, где одним «синтезом искусств» никак не обойтись... Невозможно не упомянуть принципиально важную идею автора об изоморфизме эстетической деятельности (практике изготовления священного изображения) и психической активности, подразумевающей целенаправленное воздействие на душевные процессы, которые предполагалось и направлять, и контролировать и, соответственно, «возвышать». Весьма удачно и трезво автор заключает эту главу разговором о распаде подобной этически-эстетической системы, риторической и потому конвенциональной по своей сути.

Следует заметить, что уже этого краткого, беглого и потому не совсем адекватного обзора содержательно-смысловой составляющей диссертации более чем достаточно, чтобы оценить одновременно и глубоко- и трезвомыслие, отличающие автора работы (или во всяком случае, ее текст).

Следует, однако, указать и на известные недостатки работы, носящие, оговоримся сразу, не принципиальный и вовсе не роковой характер, и задающие скорее перспективы работы или, на худой конец, не полностью реализованные обещания.

Во-первых, заметен специфический методологический беспорядок, который лишь отчасти можно оправдать вынужденной интертекстуальностью самой темы исследования. Автор, очевидным образом рассматривает свою работу как междисциплинарную, наводящую мосты между различными областями знания и дискурсивными практиками, что заставляет его привлекать различные методологические инструменты. При этом в самой работе отсутствует обоснование, почему в том или ином случае автор использует тот или иной метод. Выбор когнитивных парадигм и инструментов в некоторых случаях кажется произвольным, некоторые исследовательские методы, применяемые диссертантом, относятся к конфликтующим научным теориям и их совмещение в рамках диссертационного исследования требует особого обоснования. Порой автор проявляет чрезмерную сдержанность там, где можно было ожидать или осознанного критицизма, или внятной рефлексии, или просто чуть большей творческой свободы. Порой ощущается некоторая скованность в формулировках и вовсе не обязательная их «каноничность». Как представляется, тематика работы совсем не обязательно должна накладывать ограничения на ее хотя бы стилистику. Диссертант себя как будто сдерживает и старается удержаться в рамках вовсе не обязательного и почти что виртуального канона научности и академичности...

Во-вторых, можно было бы пойти в исследовании дальше - подробнее рассмотреть собственно корпус византийских источников, касающихся заявленной проблематики. Автор ограничивается в своем исследовании рассмотрением группы раннехристианских авторов, а также авторов времени иконоборческого спора, и недостаточно подробно рассматривает другие источники по проблеме. Можно было бы, несомненно, рассчитывать и на чуть большую филологическую составляющую в анализе текстологического по своей сути материала.

Также обращает на себя внимание то обстоятельство, что диссертанту не всегда удается удержаться в рамках заявленной сугубо эстетической проблематики. В исследовании периодически встречаются экскурсы в смежные области религиоведения, теологии и искусствоведения, которые несколько отклоняются от заявленной темы.

Впрочем, как всегда бывает с настоящим творчеством (а наука, тем более, философия – это почти что искусство), всякий недостаток легко оборачивается достоинством: можно без труда увидеть многообещающие перспективы работы, имеющей несомненный и реальный выход в сторону полноценной и полезной для науки книги.

В качестве уже почти что придирок, в известном смысле тоже имеющих канонический уже для отзыва характер, можно посетовать на некоторую стилистическую небрежность, при том что в целом язык работы более чем полноценен, а порой и просто хорош.

Достоверность диссертации А.В. Беликова подтверждается экспертизой публикаций, проведённой при подготовке их к печати в рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией.

Итак, единственно возможный вывод заключается в констатации того несомненного факта, что диссертационная работа А.В. Беликова полностью соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям согласно п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденному Постановлением Правительства РФ от 24.09. 2013, а также Паспорту номенклатуры специальностей научных работников: 09.00.04 – «Эстетика» («Философские науки»).

Автореферат адекватным образом отражает основное содержание диссертации, равно как и публикации по теме работы.

А.В. Беликов, вне всякого сомнения, заслуживает присуждения ему искомой степени кандидата философских наук.

Официальный оппонент

доктор искусствоведения, профессор

С.С. Ванеян.

Подпись руки С.С. Ванеяна заверяю,

Декан исторического факультета МГУ

С.П. Карпов.